

Государственные делители

Неоимпериализм без империй: как США и Россия делят планету

Фото: Михаил Терещенко / ТАСС

14:01, 19 февраля 2026,

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

В ночь на 3 января 2026 года Вооруженные силы США нанесли удары по ряду военных и стратегических объектов в Каракасе, провели операцию в центре столицы и в результате арестовали президента Венесуэлы Николаса Мадуро и его супругу Силию Флорес, после чего те были вывезены в Нью-Йорк для судебного разбирательства по обвинениям в наркотерроризме и контрабанде наркотиков. Мир оказался на пороге новой геополитической реальности.

Президент США Дональд Трамп в социальных сетях назвал операцию безукоризненной. Государственный секретарь Марко Рубио заявил, что это не война с Венесуэлой, а арест лидера преступной сети агентами ФБР. Военные же, по словам Рубио, просто обеспечивали безопасность.

То, что произошло 3 января, не стоит трактовать как новый акт холодной войны между Россией и США. Скорее это очередной эпизод новой эклектичной эры неоимпериализма – уже без флагов и ясных идеологий. Это не противоборство двух блоков, а реализация системы, в которой великие державы действуют в рамках общей логики власти и управления перифериями. Различаются только формы действий и язык, который придает этим действиям легитимность.

Альманах «Полотно» предлагает читателям «Новой газеты» концептуальный взгляд на новую реальность.

Венесуэла, 2026 год

За месяц до операции президент Трамп и его команда, по сообщениям The New York Times, пытались договориться с Мадуро о добровольном оставлении поста и «позолоченном изгнании» в Турцию, но венесуэльский лидер наотрез отказался. После этого было решено перейти к силовым

методам — операция по захвату президента Венесуэлы была названа американскими СМИ и официальными лицами Absolute Resolve («Абсолютная решимость»). Она включала удары по объектам в Каракасе и других стратегических точках, в результате которых были убиты десятки человек, как военных, так и гражданских.

Международная реакция на операцию была критической, но умеренной, особенно со стороны европейских лидеров: генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш назвал действия США опасным прецедентом, премьер-министр Великобритании Кир Стармер заявил, что рад падению режима Мадуро (которого многие страны не признают в качестве легитимного президента), но отказался комментировать саму операцию, а председатель правительства Испании Педро Санчес призвал к уважению международных законов. Правящая партия ЮАР выпустила заявление, в котором назвала похищение президента Венесуэлы серьезным нарушением международного права и Устава ООН, угрожающим международному миру и безопасности. Атаку на венесуэльский суверенитет также осудили Китай, Россия, Чили, Северная Корея, Иран, Мексика и другие страны.

Сразу после проведения операции Absolute Resolve президент США Дональд Трамп выразил готовность использовать схожие методы для давления на другие страны — не только на Иран и Кубу, но и на демократические Колумбию и Мексику, где сейчас у власти находятся политики левого толка. Также Трамп снова изъявил желание аннексировать входящую в состав Дании Гренландию.

Неоимпериализм и правовые аргументы

Официальные представители США неоднократно утверждали, что это не война с Венесуэлой, а правоохранительная операция против международной преступности. Но такая версия

сталкивается с очевидным противоречием: для проведения операции в суверенном государстве без официального приглашения эта страна должна была быть признана территорией, где правительство не контролирует ситуацию, что не соответствовало реальности. Более того, операция была проведена без предварительного одобрения законодательной власти даже в самом Вашингтоне — Конгресс США узнал о событиях в Венесуэле уже после задержания Мадуро.

Кроме того, на экстренном заседании Совета Безопасности ООН 5 января 2026 года аналитики и дипломаты отметили, что применение военной силы без мандата Совбеза явно подпадает под запрет, закрепленный в статье 2(4) Устава ООН о запрете использования силы, за исключением самообороны или явной санкции Совета Безопасности.

Независимые эксперты прямо указывают, что подобные действия «не имеют оправдания в международном праве» и говорят о том, насколько серьезную эрозию переживает порядок, построенный вокруг устава ООН. На заседаниях Совбеза представители Южной Африки, а также других государств Глобального Юга выступили с развернутыми критическими оценками, стремясь подчеркнуть, что именно нарушение основ международного права стало центральным вопросом дебатов.

На международной арене это событие может восприниматься как пример трансформации неокOLONиализма в новую форму неоимпериализма, где никто не заявляет о «цивилизационной миссии» или «борьбе с коммунизмом».

Вместо этого сегодняшний империализм прикрывается языком борьбы с преступностью, наркотрафиком и международной безопасностью — риторикой, которая на практике дает один и тот же результат: вмешательство во внутренние дела суверенного государства, смена режима по своему усмотрению и получение экономических и политических выгод.

Демонстрация против вмешательства США в политику Венесуэлы. Буэнос-Айрес, 5 января 2025 года. Фото: Zuma / TASS

Россия: сферы влияния

Российский неоимпериализм принципиально отличается от американского не по содержанию, а по языку. Если США оправдывают вмешательства универсальными ценностными категориями — безопасностью, правом, борьбой с преступностью, — то Россия действует через логику «исторических сфер влияния», тем самым отказывая соседним государствам в полноценной политической субъектности.

Эта позиция была артикулирована задолго до 24 февраля 2022 года. Еще в 2008 году, вскоре после вторжения в Грузию, президент [Дмитрий Медведев](#) прямо заявил, что у России есть «привилегированные интересы» в ряде регионов мира, прежде всего — на постсоветском пространстве.

Формулировка была дипломатичной, но ее смысл был однозначен: суверенитет соседей признается лишь в пределах, допустимых для Москвы.

Военная операция против Грузии в августе 2008 года стала первым открытым применением этой логики. Признание Россией независимости Абхазии и Южной Осетии оформлялось как защита населения, но фактически привело к созданию зависимых образований, встроенных в российскую военную, экономическую и политическую систему. Аналогичный механизм был использован в Украине: присоединение Крыма в 2014 году и поддержка вооруженных формирований в Донбассе стали инструментами давления на государство, которое пыталось выйти из российской орбиты.

Февраль 2022 года стал моментом, когда российская неоимпериалистская риторика сбросила маску. В статье Владимира Путина «Об историческом единстве русских и украинцев» (июль 2021 года) Украина была описана как результат исторической ошибки, а не как самостоятельный политический субъект. Уже после начала открытых военных действий Путин прямо заявил: «Украина — это не просто соседняя страна. Это неотъемлемая часть нашей истории, культуры и духовного пространства».

За пределами Европы российский неоимпериализм действует

через более гибкие и менее формализованные инструменты. В Центральноафриканской Республике, Мали и Судане ключевую роль играют связанные с государством частные военные структуры. В ЦАР россияне обеспечивают охрану президента Фостена-Арканжа Туадеры и поддерживают политический режим в обмен на контроль над районами добычи золота и алмазов. Эксперты ООН в докладах 2021–2023 годов неоднократно фиксировали там массовые нарушения прав человека, включая внесудебные казни, совершенные силами, связанными с российским присутствием.

Россия при этом отказывается от любой универсальной легитимации. В отличие от США, она не говорит о демократии или правах человека. Ее контракт предельно прямолинеен: безопасность режима в обмен на зависимость. Это делает российскую модель особенно привлекательной для авторитарных элит и особенно разрушительной для обществ, лишенных возможности влиять на собственное будущее. Это не риторика безопасности — это отрицание права на независимость как такового.

Получается, что различия между США и Россией хоть и есть, но они носят скорее стилистический характер. Одна держава действует через санкции, суды и «правоохранительные операции», другая — через боевые действия, прокси-структуры и персональные договоренности. Но логика одинакова: суверенитет слабых государств становится условным, а право на самоопределение — предметом внешнего контроля. И не зря нынешние лидеры этих государств — Дональд Трамп и Владимир Путин — открыто симпатизируют друг другу и признают «право сильного» как основу для принятия геополитических решений.

Владимир Путин и Дональд Трамп на совместной пресс-конференции после завершения переговоров в Анкоридже, 15 августа 2025 года. Фото: Sipa Press Russia / East News

От классического неокOLONиализма к современному неоимпериализму

Чтобы понять смысл этих событий, важно вернуться к истокам термина «неокOLONиализм». Это понятие ввел Кваме Нкрума, первый президент независимой Ганы, в своей книге *Neo-Colonialism: The Last Stage of Imperialism* (1965). Нкрума писал, что даже после деколонизации новые формально независимые государства могут остаться экономически и политически зависимыми от внешних центров силы. В такой ситуации их элиты сохраняют лояльность прошлой (или новой, но тоже внешней) власти, а ключевые решения принимаются за пределами страны. И действительно, суверенитет многих стран Латинской Америки, Африки и Азии на момент второй половины XX века был номинальным.

США отработали эту модель в Латинской Америке во времена холодной войны. В 1954 году ЦРУ организовало свержение левого правительства Хакобо Арбенса в Гватемале после его попытки национализации земель, принадлежавших американской корпорации-монополисту United Fruit Company. Директор ЦРУ Аллен Даллес и его брат, госсекретарь Джон Фостер Даллес, были тесно связаны с United Fruit как корпоративные юристы и лоббисты. переворот уничтожил демократические институты и привел к десятилетиям военного правления, репрессий и войны между государством и левыми повстанцами. Конфликт сопровождался массовыми убийствами, особенно коренного населения.

Начиная с 1964 года США также активно вмешивались во внутреннюю политику Чили, поддерживая проамериканскую оппозицию, финансируя забастовки и пропагандистские кампании против президента-социалиста Сальвадора Альенде. В 1973 году Альенде был свергнут в результате военного переворота, приведшего к власти режим Аугусто Пиночета. Диктатура Пиночета сопровождалась массовыми репрессиями, пытками и исчезновениями людей.

После установления новой власти Католический университет Чили подписал трехлетнюю программу тесного сотрудничества с экономическим факультетом Чикагского университета, в то время возглавляемым Милтоном Фридманом, автором концепции «шоковой терапии». Так Республика Чили стала одним из первых плацдармов для масштабных экономических экспериментов по коренной перестройке «социалистической» экономики в «свободную капиталистическую». Для США это означало восстановление благоприятного инвестиционного климата и защиту интересов транснациональных корпораций. До Альенде ключевые отрасли Чили — прежде всего медь, финансы, телекоммуникации — находились под контролем компаний из США. Альенде национализировал эти активы. После переворота Пиночета они были снова приватизированы

— на условиях, выгодных американскому капиталу.

ПРИМЕРЫ ИЗ ДРУГИХ РЕГИОНОВ

- **В Африке** неоимпериализм проявляется иначе, но его структура схожа. Французские военные миссии в Сахеле сохраняют там свое влияние через военное присутствие под предлогом борьбы с терроризмом, параллельно осуществляя контроль над политическими процессами через контакты с элитами и финансовые механизмы.
- **В Азии** давление США и их союзников на Китай в последние годы проявлялось в экономических сдерживающих мерах и создании блоков через рамочные соглашения. Россия, в свою очередь, действует через интеграцию в Евразийское экономическое пространство, сохраняя сферу влияния на постсоветском пространстве.

В конце 1970-х, а особенно в 1980-е годы США начали систематически поддерживать вооруженную оппозицию социалистическому правительству Никарагуа — движение «Контрас», предоставляя ему финансирование, оружие и военную подготовку (в том числе частично в обход ограничений, введенных Конгрессом США). С этим был связан большой скандал: выяснилось, что чиновники администрации Рейгана секретно продавали оружие Ирану, который считался врагом США и находился под эмбарго. Часть денег от этих сделок перенаправлялась контрас. Правительство Никарагуа, в свою очередь, опиралось на политическую, экономическую и военную поддержку СССР и Кубы. Война истощила страну. В

1990 году социалисты проиграли выборы.

Гражданская война в Сальвадоре (1980–1992) стала одним из самых кровавых конфликтов холодной войны в Латинской Америке: левый партизанский Фронт национального освобождения воевал против правительства и армии, поддерживаемых США.

США использовали и насильственные, и легальные институциональные методы, а формы давления эволюционировали в соответствии с изменением международного контекста, технологий и инструментов политического влияния.

Новый, XXI век стал эпохой, когда прямая военная оккупация уступила место гибридным операциям через финансовые санкции, давление на элиты, информационные войны и выборочные силовые действия.

Санкции, введенные США за последние два десятилетия против Ирана, Кубы и Венесуэлы, сыграли роль экономического рычага, направленного на ослабление государств без прямого вторжения. Например, санкции против венесуэльских нефтяных компаний, ужесточенные после 2017 года, серьезно ограничились доходы бюджета и возможности правительства Мадуро управлять экономикой и привели к масштабному гуманитарному кризису в стране.

Антиимперский взгляд на современную реальность

Неоколониализм XX века строился вокруг прямого контроля над

политическими и экономическими механизмами периферийных государств через санкции, вмешательства и поддержку дружественных элит. В XXI веке неоимпериализм стал структурным и институциональным, сочетая экономические санкции, военные операции под нейтральными предложениями и юридическое давление.

Все это делает его более сложным и проблематичным для сопротивления. Антиимпериализм сегодня — это не просто противодействие одному центру силы. Это критика самой логики внешнего управления, когда решения, которые должны приниматься внутри общества, выносятся за его пределы под предлогом универсальной законности. Вмешательство в дела Венесуэлы — это не исключение, а пример действия в новой системе, в которой периферия открыто превращается в арену для внешних акторов и перестает быть субъектом собственной истории.

Именно поэтому важно не просто фиксировать конкретные эпизоды вроде похищения Николаса Мадуро, но и понимать, что это не частный случай. Так выглядит новая эпоха неоимпериализма, где вмешательство в дела соседей оправдывается не имперскими амбициями, а борьбой с преступностью, безопасностью и политическими стандартами. Модели контроля и зависимости варьируются по форме, но не по сути. Внешние акторы получают влияние и доступ к ресурсам, а местные структуры власти остаются зависимыми и частично делегитимированными. Результат остается тем же: лишением народов права на самоопределение.

Александр Татиев, [медиа «Полотно»](#)

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[Великий недодиктатор](#)

Можно ли считать фашистом президента Трампа?

14:02, 4 февраля 2026, Владимир Козловский

[Свое не бросаем](#)

ЧВК «Вагнер» окончательно уходят из Африки. На смену «музыкантам» пришло спецподразделение Минобороны РФ

12:31, 5 июля 2025, Валерий Ширяев

[Как миграционная политика Трампа меняет Америку и раскалывает республиканцев?](#)

Обсуждаем с американистом Александрой Филиппенко

15:54, 31 января 2026, Сергей Соколов, Антон Орехъ